

В НОВОЛЕТИЕ 1915 ГОДА...

Не тесня фактической истории и не приноравливая ее к определенному дню, мы должны сказать ту правду, какую чувствует вся Россия: что уже с 19 июля мы вступили в какую-то небывало *новую годину* народного государственного и нравственного существования, и весь этот год для нас – поистине одно *1 января*, раздвинувшееся на 180 дней старого 1914 года и приблизительно имеющее раздвинуться на такое же число дней наступающего 1915 года! Мы оживлены, поздравляем друг друга или обмениваемся торопливыми горестями и торопливыми тревогами все это время – как в *Новый год*. *Новизной* полна душа, мысль, общественные и государственные сборы, общественные и государственные готовности и приуготовления. Весь год – «в походе», не физически только, а и духовно. А когда «в походе», кто считает сегодняшний и вчерашний день: всем дойти бы до *цели*, до *конца* и отдыха. И вот об этом приходится погадать нам 1 января 1915 года.

Как все *кончится*? Как *хотелось* бы и *нужно* бы, чтобы все кончилось?..

Все полно страшных физических, военных напряжений... Впереди России дерется ее могучая армия, дерется у границ Германии, дерется у предгорий ветхого в истории Арарата, где, по сказаниям Библии, остановился Ноев ковчег: и сердце как-то радуется, что земля наша, начавшаяся с маленького удела Рюрика, Синеуса и Трувора, ныне необозримо раскинулась на две части света, являлась первым по величине *сплошным* царством под единым скипетром и под единою короною. Велика Русь – и есть за что постоять. Обильна Русь – и есть тут для кого поработать и над чем поработать. Потому-то и дерется смело и умирает героически русский человек, что воистину он защищает великий удел Божий на земле, великую землю и древнюю историю, не без попечения Божия выдвинутую вперед на такое положение среди земных царств. Попечением Божиим росла русская земля, и попечением Божиим она достроится до какой-то своей последней цели, последней мысли...

Мы, наше поколение, – средние пока, промежуточные. Мы чувствуем только уже по физическим размерам царства, ныне превосходящего древнюю Вавилонию и Персию и иные царства, на которых лежал Перст Божий, и которое уже в середине своей истории почти равняется Риму при его завершении и окончании, – мы чувствуем и вправе чувствовать, что это

неизмеримое царство, наше драгоценное Отечество, приуготовляется Богом к чему-то исключительно значительному и объемному. И не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что Гогенцоллерн со своей трехсотлетней Пруссией кинулся на Россию, как юнкер-мальчишка – на старого солдата с седым усом, прошедшего на веку много походов... Мальчишеский наскок кончится, как ему и долженствует кончиться. Не столько мудрецы, сколько хитрецы Пруссии не рассчитали, что великие и прочные стены истории складываются медленно, долго, тягуче, терпеливо; а эфемерные в ней постройки, хотя бы головокружительной высоты и эффекта, уже по самой быстроте кладки – недолговечны. И уже теперь как-то брезжится впереди, что царство трех императоров Германии – такой же случай и эфемериды, как империя Наполеонидов.

И культурное властительство, претензии и часто только культурная наглость Германии и немцев более мерещатся нам опасными, нежели есть на деле угрожающе велики. Пока деньги из России высасывала Германия и из русских высасывали некоторые инородцы, Россия, естественно, была бедна, русские, естественно, не были богаты, – ну а при бедности не развернешься на экономическом поприще. Так произошел экономический захват России Германией и инородцами. Миллиону никогда не соперник рубль. Но едва и Государство наше, и русское общество, все вместе и каждый порознь, остановили на этом предмете свое внимание, мы не будем более выпускать *русскую работу из русских рук*, медленно и стойко будем все возвращать в свои руки, начнем *внутреннее собирание Руси*. Мы не то чтобы были *в корне* бедны: но мы все растеривали сами, все разбрасывали сами, – небрежничали около неистощимых богатств своей земли, – и от этого *казались и кажемся* бедными. Все это – временно и случайно. Как только поднимутся русские руки к работе – ни немец, никто другой нам не будут страшны.

Великий нравственный и идейный крах Германии в эту войну не может не отразиться крахом и материальным. В вещественном хозяйстве так же нельзя быть циником, как и в душевном своем хозяйстве. Циничного эксплуататора всякий станет остерегаться, – и эта настороженность всех вырастет в грозную стену перед германцами, которая не пропустит «дальше» их успехов... Эти успехи росли на почве нашей бытовой и государственной распушенности и доверчивости. И раз им будет положен конец, немец везде получит могучее «стоп» перед собою.

Но это – важная, однако не первенствующая сторона нашего русского возрождения, о котором хочется и уместно говорить в Новый год. Отодвинув перед глазами своими германский заслон, Россия шире взглянет вокруг себя. Было вековым недостатком, что вместо «Европы» мы все время смотрели и видели перед собою одну «Германию», смешивая ее частную образованность и культуру с мировой европейской образованностью и с христианской культурой. Да и этого мало: мы забывали *себя*. Построя мысленно историю и стараясь угадать ее ход в будущем, мы вечно выкидывали

из счетов и соображений те огромные залогов, которые явно находятся в почве Русской земли, в сокровищах русского народного духа. Это было почти сплошную ошибкою русского XIX века. Мы сплошь приняли и считали $\frac{1}{6}$ часть земной суши, занятую нашим царством, как место только *пересадки* западных произрастаний, западноевропейской растительности.

И вот, думая о «русском возрождении», невольно думается об этом *народном возрождении*, которого хотелось бы пожелать в новолетие, 1 января. Да оно и приходит, оно уже поднимается волной, – и с ним связаны лучшие русские чаяния. Война вызвала огромное молекулярное движение в населении. Как никогда доселе, частицы одних классов, одних сословий и состояний, трутса о частицы других классов и состояний. Происходит масса *нового узнавания*, – в окопах, в лазаретах, в случайностях битв и похода. И видно везде, как именно высшие классы, обеспеченные и образованные, склоняются перед правдой и простотой русского народного духа. Перед его смирением, готовностью к жертвам, перед терпением и мужеством. Ныне вся образованная Россия поступила в некое «народное училище», в «сельскую школу», – и, Бог даст, выйдет из этой сельской школы другою. Вот одно из главных наших пожеланий в Новый год, одна из главных наших надежд в новолетие 1915 года.

Русь – не малый край самой Европы. «Европейское просвещение» вовсе не полно без «русского просвещения». Около этого *русского просвещения*, которое было у нас до монгольского ига и просто лежит в стихии русской души, – мы должны стоять твердою стражею. Понимание этого *русского просвещения* как особой стихии в *европейском просвещении*, – особого в нем *течения* и особого *корня*, – мы читаем в адресе английских писателей, обращенном к русскому обществу и к русской литературе. Оно очень знаменательно, это обращение. В нем впервые прозвучало с западной стороны признание особого света с Востока. Это – свет славянства, славянской стихии, славянской души. В чем же он? В новом совершенно взгляде на человека, на человеческую жизнь, на грех, на совесть, на судьбу. Все *моральное мировоззрение* славянства и православия *совсем другое*, нежели мировоззрение романо-германское, католическое и лютеранское. Оно мягче, человечнее, душевнее, – оно универсальнее, объемнее. Удивительная текущая война все это обнаружила. Она обнаружила эту разницу и в откровенных мотивах своих, и в ужасающих формах течения своего.

Русь становится *на свои ноги*: вот наше главное чувство в Новый год. И пусть она встанет на них *крепко* в этот год, – вот наше пожелание. «С нами Бог», – вот простое и ясное сознание, которое да осенит и это чувство, и это пожелание. Скромно, но и неуклонимо выходит солнышко русское из-за германских туч. Ни Гогенцоллерн, ни его озверевшие легионы этого солнышка не заслонят.

Его уже увидели. «Перекрестимся», православный люд, в этот Новый год. Всем – доброго здоровья и ясного разума.